

Лебедев А. П. Библиография. Критико-библиографический указатель русской литературы, относящейся к истории разделения церквей в IX, X и XI веках. [1841–1899 гг.] // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 8. С. 615–646 (3-я пагин.). (Окончание.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІИ указатель

русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ.

(Окончаніе).

XII. — Профессора Московскаго университета *протоіеря* А. М. Иванцова (ум. 1894 г.). „Къ изслѣдованіямъ о (св.) Фотіи, патр. константинопольскомъ“. Петерб., 1892. Сочиненіе состоитъ изъ двухъ очень неравныхъ частей: текста (стр. 1—31) и приложенія или примѣчаній къ тексту (стр. 1—190). Напечатаны онѣ разнымъ шрифтомъ, при чемъ приложенія набраны довольно мелкимъ шрифтомъ, неприятнымъ для глазъ; каждая часть имѣетъ свою особую пагинацію, что затрудняетъ цитированіе этой книги (для отличія одной пагинаціи отъ другой мы станемъ при цитированіи мѣсть текста помѣщать помѣтку: изъ текста).

На указанное сочиненіе проф. казанской академіи (и университета) Э. А. Кургановъ написалъ очень обстоятельную и сильную критику, съ содержаніемъ которой въ главныхъ чертахъ и считаемъ нужнымъ ознакомить читателя. Критика помѣщена въ *Христіанск. Читеніи* (1895 г., т. I) и представляетъ собой официальный отзывъ о книгѣ, представленной авторомъ на премію. Критикъ прежде всего справедливо выражаетъ неодобреніе принятой авторомъ формъ изложенія предмета: вмѣсто того, чтобы написать сочиненіе о Фотіи, онъ написалъ тезисы (текстъ) и къ нимъ весьма неудобныя для чтенія и справокъ примѣчанія. Пивацовъ,

оправдывая усвоенную имъ форму изложенія, заявлялъ: „форма изложенія, избранная нами, обусловливалась и самымъ предметомъ изслѣдованія. Если бы все, что мы успѣли изложить здѣсь, представить въ цѣльномъ послѣдовательномъ и равномѣрно-обработанномъ изложеніи съ надлежащимъ развитіемъ частныхъ, это потребовало бы, если не такихъ большихъ размѣровъ, какъ сочиненіе Гергенрѣтера о Фотіи (3 тома), то по крайней мѣрѣ половины. Такъ по крайней мѣрѣ намъ представлялось. Мы старались по возможности беречь время для себя и для читателей (*странно*), а также и бумагу (?), и труды (!) и издержки печатанія“. (187. Нужно помнить, что сочиненіе напечатано въ „Журн. Мпн. Народ. Просвѣщ.“ и что слѣдовательно авторъ никакихъ издержекъ не имѣлъ). По поводу подобнаго самооправданія критикъ замѣчаетъ: „что касается боязни автора, что при связномъ историческомъ изложеніи, его изслѣдованіе приняло бы слишкомъ обширные размѣры, то этотъ страхъ совершенно напрасный: тотъ или иной объемъ сочиненія, конечно, отчасти опредѣляется предметомъ изслѣдованія, но во многомъ онъ зависитъ отъ воли автора; а правильность сужденія и вѣрность взгляда не зависятъ отъ объема сочиненія: мастеръ дѣла открывается и въ маломъ по объему трудѣ“ (183). Нѣтъ надобности разъяснять, что Иванцовъ выбралъ вышеуказанную форму изложенія потому, что она дѣлала написаніе книги о Фотіи отчасти трудомъ сравнительно легкимъ и избавляла автора отъ той тяжелой отвѣтственности предъ ученымъ міромъ, съ какою всегда соединено составленіе *связаго* церковно-историческаго изслѣдованія. Книга Иванцова есть сборникъ замѣтокъ, набросковъ, эскизовъ, объединенный лишь общою темою.—Какъ исполнилъ свой трудъ Иванцовъ, т. е. съ какою степенью совершенства? Авторъ много стараній прилагаетъ къ изученію и уясненію источниковъ исторіи Фотія; но не достигаетъ большаго успѣха въ этомъ отношеніи. Такъ авторъ задается вопросомъ: отчего извѣстія о Фотіи дошли до насъ главнымъ образомъ отъ его враговъ, а не отъ друзей и приверженцевъ? „и дѣлаетъ, по сужденію проф. Курганова, рядъ догадокъ по этому поводу, *ни къ чему* однакожъ не обязывающихъ читателя“ (177), т. е., конечно, немного значащихъ. Кромѣ того, „при критическомъ обзорѣ древнихъ авторовъ,

касающихся исторіи Фотія (т. е. источниковъ же) весьма нужно указать ихъ отношеніе другъ къ другу, писали ли они независимо одинъ отъ другого и пр. Авторъ же—по отзыву нашего критика, отстраняетъ отъ себя подобнаго рода изслѣдованію источниковъ Фотіевой исторіи, между тѣмъ оно было бы весьма полезно“... (188). Притомъ же слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что Иванцовъ не первый занялся изученіемъ этихъ источниковъ. Раньше его, все болѣе существенное въ этой области сдѣлано было на русскомъ языкѣ о. Герасимомъ Яредомъ, какъ объ этомъ замѣчено было нами выше.—Книга Иванцова обременена противорѣчійми, притомъ по существеннымъ вопросамъ Фотіевой исторіи. Критикъ отмѣчаетъ, напримѣръ, слѣдующія противорѣчія въ разсужденіяхъ автора. Онъ, г. Кургановъ, пишетъ: „характеристика константинопольскаго собора 869 года не отличается ясностію, точностію и внутреннимъ согласіемъ отдѣльныхъ частей ея. Съ одной стороны соборъ 869 года есть не болѣе (по выраженію Иванцова) какъ только *сколомъ* съ римскаго собора того же года, а съ другой—между греческими (восточными) и—римскими (т. е. пришедшими съ Запада, отъ папы) членами собора замѣчается (по мнѣнію Иванцова же) постоянное разногласіе о прерогативахъ папы, а потому—замѣчаетъ критикъ—соборъ константинопольскій *никакъ* нельзя назвать *сколомъ* съ римскаго собора, на которомъ никакого подобнаго разногласія не было между его членами по вопросу о прерогативахъ папы“ (211—212). Что же представлялъ изъ себя знаменитый соборъ 869 года—это значить такъ и остается загадкою для нашего изслѣдователя фотіанской эпохи. „Съ особеннымъ вниманіемъ Иванцовъ, по словамъ г. Курганова, останавливается на константинопольскомъ соборѣ 879 года“. Но что же получается въ результатъ? Вполнѣ неясное пониманіе задачи и дѣятельности этого опять-таки знаменитаго собора изучасмою авторомъ эпохи. Иванцовъ, по разъясненію его критика, прежде всего и здѣсь впадаетъ въ свойственныя этому автору противорѣчія. При одномъ случаѣ онъ, авторъ, утверждене неизмѣнности никео-цареградскаго (константинопольскаго) символа и соединенное съ этимъ косвенное осужденіе латинскаго: *filioque* на 6-мъ и 7-мъ засѣданіи собора 879 года признаетъ „центромъ тяжести этого собора и завершеніемъ

всей его дѣятельности“, а при другомъ случаѣ (черезъ 10 страницъ) вышеуказанное утвержденіе символа и косвенное осужденіе латинскаго *filioque*, по выраженію Иванцова, „составляютъ едва ли (значить не совсѣмъ составляютъ, и можетъ быть и прямо не составляютъ, во всякомъ случаѣ изъ является сомнѣніе) не главный центр тяжести всего дѣла соборнаго“. Такъ пишется исторія Фотія, назначенная по намѣренію автора служить коррективомъ къ изслѣдованіямъ о названномъ патріархѣ ученыхъ всего свѣта и сдѣлаться руководствомъ для всѣхъ будущихъ писателей по вопросамъ фотіанской эпохи. Съ педантичностью, требующеюся самой задачей труда, проф. Кургановъ указываетъ на какихъ страницахъ и въ какихъ словахъ заключаются открытыя имъ, сейчасъ приведенныя, противорѣчія Иванцова, изслѣдующаго соборъ 879 года, и затѣмъ говоритъ: „неопредѣленность и неточность терминовъ, употребленныхъ авторомъ для выраженія своей мысли, возбуждаютъ въ читателѣ недоумѣнія и сомнѣнія въ ея справедливости, склоняютъ его на возраженія автору“. А обобщая свои замѣчанія касательно разсужденій Иванцова о соборѣ 879 года, критикъ приходитъ къ такому заключенію: „историческая и каноническая необходимость константинопольскаго собора 879 года не показана (авторомъ) ни съ какой стороны“ (см. стр. 214 у Курганова). Нисколько не похвально! Путаясь въ нестерпимыхъ противорѣчіяхъ при разъясненіи исторіи двухъ важнѣйшихъ соборовъ фотіанской эпохи (869 и 879 годовъ), тотъ же авторъ не имѣетъ никакой удачи, когда берется сказать что-либо новое и научноцѣнное о болѣе раннемъ соборѣ фотіанской эпохи—соборѣ 861 года, правда менѣе важномъ, чѣмъ сейчасъ названные соборы. Относительно сужденій Иванцова объ этомъ соборѣ, проф. Кургановъ дѣлится съ читателемъ слѣдующими своими мыслями. „О. прот. Иванцовъ полагаетъ, что Фотій, вѣроятно уже имѣвшій нѣкоторыя понятія о политикѣ папъ, наприм., о ихъ стремленіи мѣшаться не въ свои дѣла, совсѣмъ не желалъ обращаться къ папѣ съ приглашеніемъ его легатовъ на соборъ 861 года, въ цѣляхъ утвержденія своего на патріаршество. Воспользоваться же папскимъ авторитетомъ въ борьбѣ съ партіей Игнатія (а эта борьба, какъ извѣстно, именно и происходила на соборѣ 861 г.), по разсужденію Иванцова, желалъ

преимущественно византийскій императоръ Михаилъ III отчасти по тщеславію неосторожной молодости, имѣвшей въ виду придать болѣе важности созываемому собору; а когда желалъ этого императоръ, то Фотій, какъ думаетъ Иванцовъ, конечно, не могъ-де противодѣйствовать этому“. Формулировавъ такъ мысли Иванцова, выраженные почти его словами, по поводу собора 861 г., затѣмъ критикъ съ своей стороны замѣчаетъ: „безспорно, Фотій не искалъ и не думалъ искать у папы своего утвержденія на патриаршемъ тронѣ въ римско-куріальномъ смыслѣ; но въ остальномъ сужденія автора (Ив—а) составляютъ рядъ *ни на чемъ* не покоящихся предположеній“ (201). „Является вопросъ, говорить нѣсколько далѣе критикъ, имѣются ли какія либо основанія предполагать, что Фотію не желалъ участія папы (въ лицѣ его легатовъ) на константинопольскомъ соборѣ 861 г., въ виду ставшей ему извѣстною злокозненности политики папъ? Я думаю, заявляетъ критикъ, что основаній для такого предположенія *не имѣется* и что положеніе Фотія по отношенію къ папѣ отъ его согласія на приглашеніе сего послѣдняго къ участію на соборѣ въ Константинополѣ нисколько не ухудшалось, а даже еще сулило улучшиться. Выпкнемъ въ дѣло“... (но доводы почтеннаго критика ради краткости рѣчи—пропустимъ). Въ концѣ концовъ проф. Кургановъ по занимающему насъ вопросу рѣшительно не соглашается съ авторомъ. „Фотій—слова критика—не имѣлъ основанія не желать присутствія папскихъ легатовъ на соборѣ 861 г. и присутствіе ихъ здѣсь не измѣняло и не могло измѣнить къ худшему положеніе дѣла; предположеніе же автора, выражаемое имъ при этомъ же случаѣ, что будто борьба Фотія съ папствомъ началась ранѣе собора 861 года не имѣетъ за себя — добавляетъ г. Кургановъ — *никакихъ* прочныхъ историческихъ данныхъ“. (202—203). Такимъ образомъ, яено открывается, что разсужденія Иванцова о соборѣ 861 года ведутся не впопадъ.—При разборѣ разныхъ противорѣчивыхъ и запутанныхъ извѣстій относительно перваго низложенія патриарха Фотія Михаиловымъ преемникомъ Василемъ Македоняниномъ, Иванцовъ, неизвѣстно изъ какихъ побужденій, рѣшается сдѣлать понятный шагъ въ наукѣ, возвратиться ко мнѣнію, всѣми теперь оставленному (хотя оно и опирается на извѣстіяхъ византийскихъ хрощи-

ствова—Георгія Монаха, Симеона Магистра), мнѣнію, по которому Фотіи низложенъ императоромъ Василиемъ, якобы за то, что онъ послѣ убіенія Михаила III Василиемъ называлъ этого послѣдняго разбойникомъ и отцеубійцею и не допустилъ къ причащенію св. таинъ. Какъ намъ кажется, Иванцовъ съ особеннымъ стараніемъ и съ большими надеждами на успѣхъ аргументируетъ это свое мнѣніе о причинѣ низложенія Фотія новымъ императоромъ Василиемъ, но къ прискорбію автора, и на этотъ разъ успѣха не послѣдовало. Критикъ Иванцова заявляетъ: „съ его (Ив—ова) аргументаціей относительно указаннаго (указано и нами) главнаго мотива къ низложенію Фотія нельзя согласиться: возникаютъ многія сомнѣнія и недоумѣнія“ (204). Затѣмъ Ѳ. А. Кургановъ настолько блестяще опровергаетъ это устарѣлое мнѣніе, усвоенное Иванцовымъ, что послѣ такого опроверженія ни у одного русскаго писателя не хватило смѣлости поддержать воззрѣніе покойнаго московскаго профессора церковной исторіи (стр. 204—209).—Встрѣчаются случаи, когда нашъ критикъ съ особенной силою ополчается противъ фальшивыхъ критическихъ приемовъ Иванцова и необицуюсь обзываетъ ихъ „бездоказательными, тендеціозными (въ чемъ такъ любилъ уличать другихъ писателей самъ Иванцовъ, какъ открывается это и изъ разсматриваемой нами книги его) и вводящими въ заблужденіе“. (См., наприм., стр. 218).

Мы очень тщательно искали въ рецензіи г. Курганова яснаго указанія на какія либо или какое либо выдающееся достоинство книги Иванцова, но ничего такого не нашли, кромѣ слѣдующей аттестаціи ¹⁾ означенной книги: сочиненіе „свидѣтельствуетъ—пишетъ критикъ—о непосредственномъ знакомствѣ автора съ источниками для исторіи Фотія и разными изслѣдованіями о его личности и дѣятельности“ (стр. 182). Но сколько знаемъ, подобные же отзывы дѣлаются академическими рецензентами о доброй половинѣ студентческихъ

---

¹⁾ А между тѣмъ рецензія очень обширна и занимаетъ 174—220 стр убійственной печати (убійственной въ особенности для моего зрѣнія) Правда по мѣстамъ въ этой рецензіи читаемъ отзывы критика въ родѣ слѣдующаго: „нѣкоторыя замѣчанія о Иванцова имѣютъ цѣну“ (стр 204): но подобныя же замѣчанія рецензентами дѣлаются и по поводу книгъ посредственныхъ достоинствъ.

сочиненій, пишемыхъ для пріобрѣтенія степени кандидата богословія.

Доздѣ проф. Ѳ. А. Кургановъ. А теперь очередь моя. .

Повидимому, проф. о. Иванцовъ довольно высоко ставитъ мои работы касательно фотіанской эпохи. Такъ въ разматриваемой его книгѣ: „Къ изслѣдованіямъ о (св.) Фотіи“, онъ говоритъ слѣдующее: „изслѣдованія проф. Лебедева (здѣсь разумѣются главнымъ образомъ мои книги, указанныя выше подъ №№ 7 и 9) въ литературѣ о Фотіи, по крайней мѣрѣ русской, имѣютъ большое значеніе; его имя между русскими изслѣдователями фотіевой исторіи до послѣдняго времени ¹⁾ по справедливости пользовались большимъ авторитетомъ“ (стр. 182) ²⁾. Это обстоятельство не помѣшало однакожъ, а можетъ быть и побудило нашего автора подвергнуть эти наши изслѣдованія—въ особенности одно изъ нихъ—строгой критикѣ. Конечно, критика дѣло законное, она есть необходимый атрибутъ научнаго прогресса. Но не такова критика Иванцова: послѣдній дѣлаетъ намъ много упрековъ и укоризнъ, но всѣ эти упреки и укоризны—должны мы напередъ замѣтить—или лишены справедливости или въ крайнемъ случаѣ излишни. Авторъ не сдѣлалъ ни одного, сколько нибудь серьезнаго замѣчанія относительно высказанныхъ нами воззрѣній.

Самъ авторъ повидимому сознавалъ, что онъ сдѣлалъ безъ мѣры много критическихъ замѣчаній по поводу нашихъ работъ о фотіанской эпохѣ и объясняетъ это тѣмъ, что „имя“ мое „пользовалось большимъ авторитетомъ“ въ указанной научной области. „Поэтому-то именно мы—говорить о себѣ нашъ авторъ—и сочли нужнымъ подробнѣе остановиться на изслѣдованіяхъ г. Лебедева и надѣмся (почтенный) профес-

¹⁾ А теперь? Не сомнѣваемся, авторъ этими словами хотѣлъ сказать, что по появленіи книги: „къ изслѣд о патр. Фотіи“ протоіерея А Иванцова—мои сочиненія нужно будетъ считать устарѣвшими. Но такъ ли это? Вопросъ этотъ слѣдовало бы предоставить другимъ, а не братья за его рѣшеніе Иванцову, какъ человѣку, принадлежащему къ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ

²⁾ Отвѣтственность за вѣрность этого послѣдняго замѣчанія долженъ взять на себя нашъ авторъ. Мы же ничего такого не имѣли случая наблюдать. Правда, кой-кто списываетъ изъ нашихъ книгъ, но въдь это паразиты, которыхъ едвали нужно принимать въ расчетъ при обсужденіи такого деликатнаго вопроса, какъ тотъ, который поднятъ въ приведенныхъ словахъ Иванцова

сорь не обидится за (на?) то, что мы въ общемъ обзорѣнн литературы о Фотіи удѣляемъ ему мѣста болѣе, чѣмъ кому либо изъ писавшихъ о Фотіи послѣ Гергенрётера“ (ibid), какъ извѣстно, величайшаго римско-католическаго ученаго XIX-го вѣка. Но—скажемъ откровенно—мы *не вѣрили* этому объясненію автора. Есть особая причина, которая заставила Иванцова обратить особенное вниманіе на наши вышеуказанныя сочиненія. Иванцовъ, нужно сказать, ничего не писалъ и, кажется, не могъ писать по церковной исторіи, если какое-либо изъ существующихъ въ литературѣ произведеній не служило для него импульсомъ, возбудителемъ къ работѣ, не наталкивало на эту послѣднюю. Для нашего автора всегда необходимо было, чтобы какой нибудь другой писатель намекнулъ или даже указалъ ему: о чемъ ему писать. Церковно-историческихъ сочиненій, имѣющихъ значеніе (неодинаковое) въ наукѣ, у Иванцова только три, и всѣ они возникли при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы говоримъ. 1) Его докторская диссертация: „Обзорѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ“ (ересей) возникло и во всякомъ случаѣ получило свой теперешній видъ, благодаря тому, что существуетъ на свѣтѣ большая книга Деллингера: „Ипполитъ и Каллистъ“ (1853 г.); 2) Его книга: „Религіозныя движенія на Востокѣ въ IV и V вѣкахъ“, не была бы написана, если бы рапѣе не появилась моя докторская диссертация: „Вселенскіе соборы IV и V в.“ (1879); 3) послѣдній его церковно-историческій трудъ: „Къ изслѣдованіямъ“ вызвагъ къ бытію моими трудами по части фотіанской эпохи и главнымъ образомъ сочиненіемъ: „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX-го вѣка“ (1888). Отъ этого-то такъ много вниманія Иванцовъ и посвящаетъ указаннымъ нашимъ работамъ въ своей книгѣ.

Такая зависимость Иванцова отъ чужихъ книгъ едвали сознавалась имъ. Этотъ ключъ (отнюдь не поддѣльный!) нами найденъ не случайно, а благодаря многостороннему, но вынужденному обстоятельствами (что это значитъ—объяснимъ нѣсколько ниже) изученію трехъ вышепоименованныхъ сочиненій автора. Это-то явленіе, которое мы теперь уясняемъ, опредѣлило *форму* всѣхъ трехъ сочиненій Иванцова и въ томъ числѣ, конечно, и послѣдняго его сочиненія. Натолкнувшись на мою книгу (или книги), авторъ началъ дѣлать

свои замѣтки на нее (нихъ), справляться съ другими книгами, дѣлать изъ нихъ выписки для памяти, сравнивать ихъ между собою, и т. д.—и въ результатѣ получилаея странная по формѣ книга, въ которой 30 страницъ текста и около 200 стр. примѣчаній. Напрасно въ оправданіе странной формы своей книги авторъ ссылается на свои „болѣзни“ и „старость“ (у г. Кург., 183), на боязнь обременить читателя большой книгой, на свое состраданіе къ бѣднымъ наборщикамъ, на свое опасеніе слишкомъ большого расхода бумаги (!), на свое нежеланіе подорвать матеріальныя средства редакціи *Журн. Мин. Нар. Пр.* (гдѣ печатана была книга Иванцова). Все это не то, и сущности дѣла на уясняетъ. Авторъ писалъ и написать не книгу о Фотин, а *книгу о книгахъ*; а такъ какъ книги, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, по своимъ воззрѣніямъ, тенденціямъ, выводамъ, направленію и вѣроисповѣднымъ стремленіямъ, какъ говорится, врозь лезутъ, то подлиннымъ отпечаткомъ этихъ особенностей, усвоенныхъ имъ, книгъ стало и самое сочиненіе Иванцова. однимъ словомъ выпелъ „Трипкинъ кафтанъ“.

Но обратимся къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя позволяютъ себѣ сдѣлать Иванцовъ по поводу нашихъ сочиненій. Больше всего достается отъ него нашей „книжкѣ“ (какъ онъ ласкательно называетъ эту книгу): „Исторія к—скихъ соборовъ“. Свой праведный судъ о книгѣ въ ея цѣломъ Иванцовъ выражаетъ въ томъ, что усматриваетъ въ ней очень мало поваго для себя (стр. 106, 148, 180 и др.). Новаго! Да чего это новаго-то? Если фактовъ, то откуда же я ихъ возьму. Исторіи соборовъ излагаютъ обыкновенно по актамъ соборнымъ, я поступаю такъ же. Не иначе поступилъ бы и Иванцовъ, если бы хоть разъ въ своей жизни описалъ исторію какого либо собора, оставившаго послѣ себя акты. Поэтому, факты, на которыхъ основывается наше описаніе важнѣйшихъ к—скихъ соборовъ IX-го вѣка, восходятъ по своей древности къ этому самому вѣку. Да, они, факты, не новы, а очень стары, но это придаетъ имъ великое значеніе. Авторъ, быть можетъ, желать бы найти у насъ какъ можно больше новыхъ соображеній; но по этой части наша книга не бѣдна. Все, что казалось намъ не яснымъ, по мѣрѣ нашего знанія и усердія нами объяснено. Авторъ не указать въ своей книгѣ ни одного случая, изъ котораго было бы

видно, что нами что-либо существенное не сдѣлано. Правда, у насъ нѣтъ того, что можно было бы назвать философіей исторіи соборовъ; но нужна ли она въ настоящемъ случаѣ? Вотъ самъ критикъ нашъ, т. е. Иванцовъ, поклялся было въ своемъ „изслѣдованіи“ дать нѣкое новое освѣщеніе фактамъ, но, какъ мы видѣли, при изложеніи сужденій проф. Курганова о книгѣ, только запутался въ своихъ разъясненіяхъ. Такого сорта *новыхъ* соображеній мы всегда старательно избѣгали въ своихъ церковно-историческихъ сочиненіяхъ. Мало того: мы думаемъ, что если бы Иванцовъ вмѣсто того, чтобы гоняться за оригинальностью и новизною, занялся развитіемъ нашихъ мыслей, выраженныхъ нами въ указанной „Исторіи“, и ихъ комментированіемъ, сочиненіе его отъ этого только выиграло бы. Откровенно говоря, лишь познакомившись съ книгой Иванцова о Фотіи, мы поняли, что наше сочиненіе о кон—польскихъ соборовъ, написанное нами въ часы досуга и безъ особыхъ усилій, трудъ весьма не лишній въ нашей богословской литературѣ. Впрочемъ сѣтуя на то, что мы въ своей книгѣ даемъ *мало новаго*, авторъ главнымъ образомъ разумѣетъ (стр. 148) соборъ Фотіевъ 879 года. Ему представляется, что мы здѣсь немного сдѣлали новаго въ сравненіи съ Неандеромъ, Гефеле и Гергенретеромъ. Но нельзя умолчать, что пзъ числа этихъ писателей авторъ процитировалъ Неандера наобумъ, не посмотрѣвъ хорошенько въ книгу, ибо не можетъ быть никакого сравненія между Неандеромъ и мною: у Неандера (по изданію его „Исторіи“ 1856 г.) отведено этому собору 2 страницы, а у меня 80. Да и Гефеле говоритъ о томъ же соборѣ вдвое менѣе, чѣмъ я. Собственно нужно сравнивать мое описаніе собора съ Гергенретеровымъ (и отчасти съ Гефеле); но моя заслуга въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что въ противоположность Гефеле и Гергенретеру, я далъ православно-восточное объясненіе дѣяній на основаніи актовъ соборныхъ, чтобы для читателя не оставалось какихъ либо сомнѣній и недоумѣній. И сдѣлать это я первый въ православной церковно-исторической наукѣ. Развѣ это не ново? Пусть нашъ авторъ сдѣлалъ смѣлую попытку освѣтить исторію собора 879 г. съ какихъ-то новыхъ сторонъ, но вѣдь это привело лишь къ тому, что заставило проф. Курганова шагъ за шагомъ опровергать Иванцова и въ заключеніе объявить чи-

тателямъ, какъ мы уже знаемъ, слѣдующее: *такимъ образомъ и историческая и каноническая необходимость собора 789 г. не показана* (т. е. неяснена авторомъ) *ни съ какой стороны* (у Кург. 214). Не все новое имѣетъ цѣну: наука же придерживается послѣдней моды ¹⁾.

Но не станемъ больше останавливаться на общихъ и неопредѣленныхъ по нашему адресу упрекахъ, со стороны Иванцова, а перейдемъ къ частнымъ его замѣткамъ, направленнымъ противъ насъ: на этихъ частныхъ замѣткахъ гораздо виднѣе притязательность и несправедливость Иванцовской критики. Чтобы не растериваться и не повторяться, какъ дѣлаетъ Иванцовъ, поведемъ рѣчи, придерживаясь хронологіи константинопольскихъ соборовъ Фотіанской эпохи.

Прежде всего, авторъ упрекаетъ меня за то, что я пропустилъ нѣкоторые болѣе ранніе соборы этой эпохи, не изложилъ ихъ исторіи. Виновенъ, но заслуживаю списхожденія! Такъ Иванцовъ пишетъ: „это сочиненіе (т. е. „Ист. Конст. соборовъ“) нельзя назвать исторіею соборовъ, бывшихъ при Фотіи или по дѣлу Фотія, ибо о к-скихъ соборахъ 858 и 866 годовъ здѣсь ничего не говорится“. (181). Какое преступленіе! Авторъ соборовъ пропустилъ цѣлыхъ два собора! Виновъ: пропустилъ; но послушаемъ, что вѣщаетъ объ этихъ соборахъ нашъ критикъ. О соборѣ 858 г. онъ говоритъ: „никакихъ подлинныхъ документовъ отъ этого собора до насъ *не дошло*, и объ этой уtratѣ нельзя не пожалѣть“ (18, текста). И мы жалѣемъ, но чтожъ съ этимъ сдѣлаешь? А о соборѣ 866 года, тотъ же Иванцовъ говоритъ: „о к-польскомъ соборѣ 866 года не сохранилось болѣе (т. е. кромѣ извѣстія, что соборъ былъ и притомъ многочисленный по

¹⁾ Впрочемъ, Иванцовъ, кажется, уже слишкомъ изысканный любитель новинокъ. Онъ и у знаменитаго Гергенретера нашелъ: *очень мало новаго въ общемъ представленіи дѣла, въ приемахъ и выводахъ изслѣдованія* (17⁽¹⁾) „Очень мало новаго“! Слѣдовательно, пожалуй, даже меньше, чѣмъ у насъ въ нашихъ книгахъ. Нужно сказать, Иванцовъ не понимаетъ, что оригинальность есть природное свойство извѣстнаго ума и нельзя быть оригинальнымъ, не имѣя такого свойства. Поучительный примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ самъ Иванцовъ: онъ напрягается, чтобы выдумать что-нибудь новаго оригинальнаго; но изъ его потугъ рѣшительно ничего не выходитъ. Къ сожалѣнію, должны сознаться, что и сами мы не можемъ извѣлять притязаній на этотъ рѣдкій, чудный и великій даръ Божій

составу его членовъ) *никакихъ* извѣстій“ (108). При этомъ авторъ самъ же сомнѣвается и въ томъ, когда былъ искомый соборъ: соборъ этотъ „надо полагать, былъ въ 866 году“, замѣчаетъ онъ. Спрашивается: что-же могли мы написать о невѣдомыхъ соборахъ? Неужели мы должны были поставить заголовки въ книгѣ: „соборы 858 г. и 866 г.“. — и затѣмъ заявить многотерпѣливому читателю: „о сихъ соборахъ свѣдѣній не сохранилось“.—Но пойдёмъ далѣе. „Значеніе собора 861 года г. Лебедевымъ выясняется—объявляетъ нашъ критикъ—недостаточно и односторонне“ (181). Не правда. Напротивъ, послѣ вышеприведенныхъ нами замѣчаній проф. Курганова по поводу разглагольствованій нашего автора о соборѣ 861 года, оказывается, что всё недостатки со включеніемъ односторонности не намъ присущи, а нашему критику, Иванцову. Кромѣ того: сей послѣдній не соглашается съ моимъ пониманіемъ названія этого собора „перво вторырь“, представляетъ образчикъ лучшаго пониманія этого темноватаго термина и заявляетъ, что соборъ названъ такъ по той причинѣ, что „совѣщанія его раздѣлялись на двѣ части“ (107). Объясненіе неудовлетворительное. Иванцовъ, зная, забылъ, что этотъ же соборъ съ древнихъ временъ именуется у канонистовъ также „Двукратнымъ“. Какимъ же образомъ соборъ, дѣлящійся на два отдѣла, можно называть двукратнымъ, т. е. собиравшимся два раза? Напрасно мудрствуетъ о. пр—ей, было бы лучше, еслибы онъ слѣдовалъ за нами и Гергенрётеромъ.—Новый упрекъ мнѣ со стороны Иванцова по поводу собора к-скаго 867 года. „Проф. Лебедевъ—витіиствуетъ Иванцовъ — совсѣмъ было пропустилъ (*значитъ, не пропустилъ?*) соборъ 867 г. и потомъ при изложеніи дѣяній собора 869 года вспомнилъ (*какова психологія чужой души!*) и о соборѣ 867 г. и подъ чертой высказалъ о немъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній“ (*радиусъ похвалъ* отъ нашего *строгаго учителя*) стр. 111). Но правоже, я не такой ужъ ротозѣй, какъ воображаетъ Иванцовъ. Очнюдь не забывалъ я о соборѣ томъ и помѣстилъ извѣстія о немъ или краткій очеркъ его въ примѣчаніи къ одной страницѣ исторіи другого собора (869 г.) единственно потому, что не желалъ выдѣлять особой главы въ сочиненіи для такого собора, о которомъ исторія почти ничего не вѣдаетъ. Всё свѣдѣнія о семъ малозвѣстномъ соборѣ со всѣми

критическими замѣчаніями по поводу этихъ свѣдѣній уклады-
вались у меня на двухъ страничкахъ; а потому я ждалъ
удобнаго случая, чтобы помѣстить этотъ этюдъ кстаѣи, не
разсѣвая вниманія читателя мелочами—и дождался: какъ
только въ моемъ описаніи большого собора 869 года я
встрѣтился съ упоминаніемъ (въ актахъ), будтобы забытаго
мною, собора 867 года, сейчасъ же и пустилъ въ дѣло со-
бранныя мною извѣстія о немъ. Нужно знать, что мое сочи-
неніе о консе-польскихъ соборахъ первоначально напечатано
было въ одномъ изъ простенькихъ духовныхъ журналовъ,
съ читателями котораго нужно было обращаться очень осто-
рожно, чтобы не запугать ихъ „пущей ученостью“, ученымъ
педантизмомъ,—съ читателями, требовавшими не твердой
пищи, а млека духовнаго (какъ я объ этомъ заявлялъ еще
при жизни Иванцова, почему-то разсердившагося на меня
за это невинное заявленіе, (см. у него стр. 183). Я поступилъ
очень хорошо, давая моему этюду о соборѣ 867 года мѣсто
подъ строкой и пользуясь благопріятнымъ для сего случа-
емъ, но Иванцовъ совсѣмъ не понялъ моего маневра. Да и
сказать по правдѣ: вопросъ о томъ, гдѣ я помѣстилъ за-
мѣтку, стопль ли—того, чтобы трактовать о немъ Иванцову
въ его серьезнѣйшемъ (какимъ считалъ свое сочиненіе
Иванцовъ, и какимъ я отнюдь не считаю его) трудѣ, въ ко-
торомъ, по его пышному слововыраженію, онъ „старался
подвести итоги предшествовавшимъ работамъ и по возмож-
ности освѣтить путь для дальнѣйшихъ работъ“ (186). Хо-
рошъ свѣтодатель! Но не въ томъ дѣло. Смѣемъ увѣрить
послѣдующихъ читателей нашей „Истор. соборовъ“ и Иван-
цовскаго „ислѣдованія,“ что забывчивостію, приписывае-
мою намъ отъ Иванцова, не страдаемъ мы теперь, и еще
меньше страдали ею назадъ тому 10 лѣтъ, въ 1888 г., когда
появилось наше названное сочиненіе. Если кому изъ насъ
двоихъ должно быть приписано подобное непріятное каче-
ство, такъ это конечно моему критику. Какъ оказывается во
время написанія своего исслѣдованія Иванцовъ уже жало-
вался на „оскудѣвающія его силы“ и удручающую его „ста-
рость“ (у г. Курганова, стр. 183); но однимъ изъ главныхъ
обнаруженій старости бываетъ появленіе забывчивости. По-
этому, мы нисколько не удивимся, если слѣды такой забыв-
чивости найдутся и въ его „ислѣдованіи“. А найдутся ли

въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ представляемъ судить читателю по слѣдующимъ примѣрамъ, заимствуемымъ изъ „ислѣдованія“ Иванцова. Уже проф. Кургановъ отмѣтилъ безконечную повторяемость автора, странныя его противорѣчія—все признаки забывчивости. Далѣе, одного французскаго ученаго авторъ въ своей книгѣ сначала именовалъ Яжеромъ, а потомъ сталъ именовать его какимъ-то Жаже, а въ опечаткахъ забылъ сказать, какое изъ двухъ именованій онъ считаетъ болѣе правильнымъ; греческаго митрополита Герасима (Яреда) на стр. 2 называетъ селевкійскимъ, а потомъ забывъ это, на стр. 178 уже именуется его Захльскимъ (?); сочиненіе нѣкоего Стукова Иванцовъ на стр. 2 признаетъ „довольно складно“ написаннымъ (значить относится къ нему довольно благосклонно), а на стр. 183 онъ даже расхваливаетъ это произведеніе, относя его къ числу такихъ, которыя обозначаютъ собою переворотъ къ лучшему въ нашей посвященной Фотію литературѣ, такихъ, которыя „отличаются твердостью православныхъ воззрѣній и представляются цѣнными“ въ разныхъ отношеніяхъ, но затѣмъ черезъ страницу (185) нашъ критикъ рекомендуетъ г. Стукову, „нераспроданные экземпляры тогоже сочиненія его собрать и уничтожить“ (*Sic transit gloria mundi!*).—Обширнымъ отдѣломъ разсматриваемой нашей книги, посвященнымъ исторіи константинопольскаго собора 869 года (стр. 51—136), Иванцовъ, повидимому, остался удовлетворенъ, но, однакожь, не совсѣмъ. Указавъ на то, что описаніе собора 869 года составляетъ у насъ въ книгѣ „саму видную (т. е. весьма значительную) часть біографіи Фотія,“ критикъ потомъ замѣчаетъ: „соборъ этотъ едва ли стоилъ того“ (116), т. е. подробнаго описанія. Бѣда, я не угодили! Да впрочемъ и угодить на критика я никакъ не могъ. За описаніе собора 869 г., какъ видимъ, Иванцовъ меня укоряетъ принимая во вниманіе подробность моего описанія; при оцѣнкѣ же сдѣланнаго мною краткаго очерка собора 861 г., ставитъ мнѣ въ вину то, что я „мимоходомъ“ говорю объ этомъ соборѣ (111); соборъ 879 г. у меня, кажется, описанъ очень уже подробно (стр. 154—220), но нашъ критикъ находитъ, что мы могли бы описать его еще подробнѣе: по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что мы описали этотъ соборъ лишь „довольно подробно“, т. е., по видимому, не такъ подробно, какъ слѣдо-

вало бы (140). Бѣда, опять не угодить! Значить, пишешь ли подробно, или кратко—все равно получишь замѣчаніе отъ своенравнаго учителя.

Авторъ холодно и полупренебрежительно относится и къ тому, что сдѣлано нами въ видахъ изученія и пониманія дѣятельности к—польскаго собора 879 г. (148), но съ этимъ ужъ ничего не сдѣлаешь: приходится мириться съ подобнымъ фактомъ. Но мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены соглашаться съ тѣми напраслинами и неправдою, какія отваживается взводить на насъ Иванцовъ при разборѣ сдѣланнаго нами описанія указаннаго собора. Авторъ позволяетъ себѣ слишкомъ много, когда приписываетъ намъ какое-то раболѣпство предъ западными инославными писателями. Онъ пишетъ: „въ иныхъ мѣстахъ (т. е. нашего описанія собора 879 г.) г. Лебедевъ дѣлаетъ западнымъ писателямъ (Неандеру, Гефеле, Гергенретеру) не довольно осторожныя уступки“, затѣмъ перечисляются эти уступки (148). Но въ дѣйствительности никакихъ „неосторожныхъ“ уступокъ названнымъ пновѣрцамъ мы не дѣлаемъ.—І-я мнимая уступка. При изложеніи исторіи собора 879 г. я пользовался обычнымъ изданіемъ актовъ этого собора, сдѣланнымъ Манси, римско-католическимъ ученымъ; при этомъ я очень хорошо зналъ, что существуетъ еще другое греко-восточное изданіе тѣхъ же актовъ, приготовленное для обнародованія Доспѣевъ, патр. іерусалимскимъ; но этого изданія при составленіи нашего сочиненія подъ руками у насъ не было. Поэтому, для того, чтобы составить понятіе о грековосточномъ изданіи актовъ, мы пересмотрѣли варианты изъ этого изданія у Гергенрѣтера и пришли къ слѣдующему заключенію, высказанному въ нашей книгѣ: „существуетъ еще греческое изданіе актовъ собора въ сборникѣ Доспѣева; но этого изданія нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. Гергенрѣтеръ указываетъ иногда варианты Доспѣева изданія, но судя по этимъ указаніямъ это изданіе не имѣетъ важности“. (Ист. Кон. Соб., 167). Вотъ въ ея цѣломъ та „неосторожная“ уступка, какая мной будто бы сдѣлана, по сужденію Иванцова, такому опасному врагу церкви, какъ ученый Гергенрѣтеръ. Очень немного нужно имѣть разсудительности, чтобы видѣть, что никакой неосторожной уступки нами не сдѣлано. Начать съ того, что Иванцовъ въ своихъ интересахъ

(суетныхъ и ложныхъ) извратилъ сейчасъ приведенныя наши слова. Онъ передаетъ ихъ такъ: „г. Лебедевъ говоритъ: „судя по *указаніямъ* Гергенрѣтера изданіе это (Доспѣево) не важно.“ (140). Но иное дѣло только указанія, которыми мы пользовались, по увѣренію Иванцова, и иное дѣло греческіе варианты, которые мы изучали и на основаніи которыхъ составилось наше весьма правильное сужденіе о неважности актовъ Доспѣея. Указанія, вѣдь, это тоже, что мнѣнія и воззрѣнія, а варианты тоже, что и документъ, хотя и не въ полномъ видѣ. Къ чему же искажаетъ наши слова Иванцовъ? Мы пользовались, значить, документомъ, приводимымъ у Гергенрѣтера, а вовсе не его указаніями или воззрѣніями. Документъ, сколько извѣстно всѣмъ, за исключеніемъ можетъ быть Иванцова, издаются и римско-католиками, и протестантами одинаково, если издатель не хотятъ заклеить себя несмываемымъ позоромъ. О какой же моеи „неосторожной“ уступкѣ говоритъ Иванцовъ? Мало этого: доказалъ ли Иванцовъ, что мое „небрежное“ отношеніе къ изданію Доспѣея повредило хоть сколько-нибудь моеи работѣ о соборѣ 879 г.? Никакъ и никогда. Самъ Иванцовъ, по его словамъ, получившій свѣдѣнія объ этомъ изданіи изъ двухъ академій, гдѣ оно имѣется, и самъ видѣвшій его въ библиотекѣ одной изъ этихъ академій и конечно ознакомившійся съ его текстомъ, не извлекъ изъ этого знакомства никакаго полезнаго результата для своихъ изслѣдованій о Фотіи. (Мы не сказали еще, что изданіе Доспѣево есть рѣдкость, и потому не всякому ученому удастся изучать его). Иванцовъ, говоримъ мы, не только не узналъ ничего поваго изъ названной книги; но и пришелъ—*teneatis risum amici*—къ тому самому заключенію о актахъ Доспѣея, къ какому пришли и мы на основаніи лишь вариантовъ Гергенрѣтера. Онъ возвѣщаетъ: „общій смыслъ памятника (т. е. актовъ собора 879 г.) во *всѣхъ* его редакціяхъ (значить и у Манси и у Доспѣея) остается *одинъ* и тотъ же“ (29 текста). Въ чемъ же обвиняетъ насъ авторъ—мы послѣ этого и понять не въ состояніи. Интересно знать, что и проф. Кургановъ, разбивавшій книгу Иванцова, такъ же, по его словамъ, не имѣлъ подъ руками изданія Доспѣея—и не озаботился о томъ, чтобы выписать его для временнаго пользованія изъ какой либо изъ двухъ академій, гдѣ есть оно

(у г. Курганова, 184). Упрекнулъ ли-бы его за это Ивапцовъ или упрекнетъ ли его за тоже еще кто? Нѣтъ. У кого есть подъ руками Манси (какъ онъ былъ и у меня въ свое время), для того Доспѣеи излпшенъ, или точнѣе — не нужная роскошь. Присоединю еще и слѣдующее поученіе по адресу моего критика: вмѣсто того, чтобы упрекать меня въ томъ, что я не видалъ рѣдкой Доспѣеевой редакціи актовъ, въ которой я не имѣлъ ни малѣйшей нужды, Ивапцовъ лучше бы сдѣлалъ, если повнимательнѣе почиталъ бы другую греческую книгу, изданную тѣмъ же Доспѣеемъ, но не столь ужъ рѣдную, какъ изданные имъ—акты собора, именно: „исторію іерусалимскихъ патріарховъ“; потому что, почитавъ эту книгу, онъ не допустилъ бы неосмотрительности, за которую справедливо казнить нашего автора проф. Кургановъ (у послѣдн., стр. 193—4).

II-ая мнимая „уступка“. Дѣло въ слѣдующемъ. Папскіе легаты отправляясь на соборъ константинопольскій 879 года, имѣвшій торжественно возстановить Фотія на патріаршей каедрѣ по смерти Игнатія, получили отъ папы Іоанна VIII-го инструкцію, которая должна была опредѣлять ихъ образъ дѣйствій на соборѣ константинопольскомъ. Въ этой инструкціи, какъ она читается въ греческихъ актахъ разсматриваемаго собора, находится очень рѣзкое осужденіе предшествующаго константинопольскаго собора (869 г.), на которомъ Фотій, какъ извѣстно, объявленъ былъ низложеннымъ и подвергнутъ анаемѣ. Именно: этотъ соборъ названъ лишеннымъ силы и отвергнутымъ (*sine robore, rejecta*). Намъ точно казалось сомнительнымъ, чтобы римскій первосвященникъ поименовалъ такъ соборъ, составлявшій лучшую драгоценность въ папскомъ ореолѣ. А потому встрѣтившись съ вышеуказаннымъ выраженіемъ, находящимся въ папской инструкціи легатамъ, я замѣчалъ: „Чтеніе (т. е. текстъ) десятой главы инструкціи представляется явно поврежденнымъ, ибо папа ни въ какомъ случаѣ не могъ выразиться такъ рѣзко о соборѣ 869 г.“ („Ист. Конст. соб.“, 188). Ивапцовъ же, прочитавъ эту замѣтку, почелъ нужнымъ сдѣлать на основаніи ея противъ меня вылазку и заявляетъ: „западные писатели (читай: иновѣрцы): Гефеле, Гергенрѣт., основываясь на доказательствахъ стараго (?) уніата Ассемани, а за ними (?) г. Лебедевъ считаютъ искаженнымъ 10-й пунктъ

папской инструкціи“, признавая такое наше согласіе съ названными писателями „неосторожною уступкою“ протестантско-католическимъ тенденціямъ (130. 148). Но Иванцовъ и здѣсь неправъ, какъ и всегда оказывается неправымъ, когда позволяетъ себѣ указывать слабыя стороны въ нашемъ трудѣ. Странно предполагать, чтобы всѣ означенные писатели утверждали поврежденность папской инструкціи, принимая во вниманіе указаніе на это „старого уніата“. Всѣ эти очень умные ученые могли безо всякой чужой указки приходить къ одному и тому же заключенію. Не обладая первоклассной эрудиціею Неандера, Гергенр. и Гёфеле—и я весьма легко могъ придти къ одинаковому съ ними (католиками и протестантами, а слѣд. взаимными недругами) заключенію, имѣя у себя акты собора, читая ихъ и руководясь чувствомъ истины. Ну, скажите на милость, могли ли я представлять себѣ римскаго папу Іоанна VIII-го такимъ глупцомъ, какимъ считаетъ его Иванцовъ, такимъ глупцомъ, который безъ малѣйшей въ томъ надобности объявилъ бы ничтожнымъ и лишеннымъ значенія соборъ 869 г., считающійся въ западной церкви VIII-мъ вселенскимъ? Да и въ какое время объявилъ, когда легаты только что отправлялись изъ Рима и когда слѣдовательно было совершенно неизвѣстно: понадобится ли еще подобная жертва? Итакъ утверждаемъ, что ни Неандеръ и никто другой не заставляли меня отвергнуть подлинность существующаго текста папской инструкціи; въ этомъ случаѣ мы подчинялись исключительно голосу научной добросовѣстности. Уступая требованіямъ этого голоса, мы и рѣшились напечатать, возмущающую духъ нашего критика, выше приведенную замѣтку, не смотря на то, что она могла казаться неумѣстной и не гармонизирующею съ задачами того простенькаго журнала, гдѣ впервые появилась все та же замѣтка. Мы не желали ни предъ кѣмъ работѣствовать—и печатно выразили нашу увѣренность относительно искаженія папской инструкціи православными Греками IX-го вѣка съ полнымъ сознаніемъ лежащей на насъ ответственности. Прибавимъ къ этому, что и не было бы никакой бѣды, если бы мы не сами по себѣ пришли къ этой истинѣ, а лишь только согласились бы съ много разъ упомянутыми выше учеными; ибо если Иванцовъ думаетъ, что въ римско-католическихъ и протестантскихъ ученыхъ право-

славные богословы обязательно должны видѣть враговъ святой церкви, то мы держимся другой точки зрѣнія: всѣ богословы всѣхъ неповѣданій ищутъ одинаково научной истины и находятъ ее (конечно по частямъ), и обращаютъ ее въ общее достояніе. И это нужно признать дѣломъ похвальнымъ, сглаживающимъ вѣроисповѣдныя рѣзкости, создающимъ новый видъ общенія людей, условливающимъ пользование членами одного вѣроисповѣданія тѣмъ, что выработано въ наукѣ членами другихъ вѣроисповѣданій и т. д. Быть можетъ, это братское общеніе въ наукѣ людей, раздѣленныхъ между собою вѣроисповѣдными традиціями, составляло одно изъ благихъ подспорій, состоявшейся на дняхъ, Гаагской конференціи—этого великаго знаменія, указывающаго на прогрессивное возрастаніе братства всѣхъ людей („нѣсть Еллинъ, ни Іудей“....). Но не станемъ уклоняться въ сторону. Не скроемъ, что Иванцовъ ни однимъ укоромъ допшмаеть насъ, когда обвиняетъ въ „неосторожной уступкѣ“ по поводу вышеприведеннаго нашего воззрѣнія; нѣтъ, онъ хочетъ сразить насъ аргументами отъ имени науки. Аргументы эти не станемъ разбирать здѣсь въ текстѣ: достаточно будетъ отвести для ихъ разбора мѣсто болѣе скромное—подъ строкой ¹⁾. Вѣдь, эти аргументы могутъ оказать свое дѣйствіе развѣ на профановъ по части науки, мы же оста-

¹⁾ Вотъ соображенія, которыя приводитъ о Иванцовѣ, чтобы поколебать нашу увѣренность въ поврежденіи Греками оригинала папской инструкции. Да „развѣ менѣе рѣзкости въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ восточныхъ мѣстоблюстителей, которыя произнесены были (на соборѣ 879 г.) по адресу прежняго собора 69 года въ присутствіи папскихъ легатовъ, а также въ рѣчи Захаріи халкидонскаго (Фотіева друга) при открытіи собора“ (130), замѣчаетъ нашъ критикъ. Согласны; но, вѣдь, въ силу принципа свободы соборной дѣятельности, отдѣльные члены собора часто говорили много такого, что не раздѣлялось остальнымъ соборомъ. Да и что удивительнаго, если восточные епископы порицали соборъ 869 года? Эготъ соборъ не соответствовалъ интересамъ Восточной церкви. Что же касается того, что легаты выслушали молча и „безъ протеста“ многія „рѣзкости“ по поводу папы и въ особенности по адресу собора 869 г. то удивляться этому не слѣдуетъ, когда причемъ во вниманіе, что роль легатовъ на соборѣ 79 года была сведена почти къ нулю. Другой и послѣдній аргументъ Иванцова заключается въ анализѣ подписи, сдѣланной по заключеніи собора 879 года, папскими легатами подъ опредѣленіями этого собора; въ ней соборъ 869 года прямо анаеаметствуется (131). Но эта подпись, какъ она читается въ греческихъ актахъ въ настоящее

пемся при своемъ, не съ вѣтру взятомъ, воззрѣнн на 10 главу инструкціи папы Іоанна VIII-го; и не Иванцовской эрудиціи (Быт. 41, 20—21) убѣдить меня въ противномъ, т. е. сбить меня съ истинной научной дороги.

III. Еще мнимая „уступка“. Дѣло касается все того же собора 879 года. Авторъ пишетъ: у (римско) католическихъ историковъ, имѣющихъ на то особенныя тенденціи (?) и у русскаго историка константинопольскихъ соборовъ признается, что „шестое и седьмое засѣданія указаннаго собора составляли какой-то отдѣльный добавочный къ другимъ засѣданіямъ его актъ (дѣяніе) полуоффиціального характера и что состоявшееся здѣсь утверждение неприкосновенности никео-константинопольскаго символа явилось какъ бы неожиданно и случайно въ угоду лишь (?) императорскому желанію“ (133). А въ другомъ мѣстѣ подобное же наше мнѣніе авторъ относитъ къ числу „неосторожныхъ уступокъ“ съ нашей стороны тенденціознымъ западнымъ писателямъ Гефеле и Гергенрѣтеру (148). Признаемся: въ указанномъ случаѣ уступочку мы дѣйствительно дѣлаемъ, но не какимъ либо пновѣримъ и тенденціознымъ писателямъ, но здравому разуму. Ужъ не признаетъ ли Иванцовъ и эту уступку незаконною? Вотъ что долженъ я повѣдать вамъ, читатель, по случаю сей новой укоризны со стороны Иванцова, по моему адресу. На первыхъ пяти засѣданіяхъ число отцевъ разсматриваемаго собора достигало до 380, а на 6-мъ засѣдало, кромѣ руководителей дѣлами собора, лишь 18 митрополитовъ, на 7-мъ присутствовали тѣ же руководители и 18 митрополитовъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, весьма вѣроятно, принимали участіе и многіе епископы, но на этотъ счетъ можно дѣлать однѣ догадки; далѣе — первые 5 засѣданій происходили въ Софійскомъ храмѣ, а 6-е въ залѣ дворца; наконецъ 7-ое засѣданіе открылось спустя болѣе мѣсяца послѣ предыдущаго, которымъ, повидимому, въ началѣ и рѣшено было закончить соборъ. Можно, конечно, думать, что

время, считается за интерполяцію II съ этимъ нельзя не соглашаться. А главное, подпись—одно дѣло, а инструкция совсѣмъ другое. Соборъ 879 года въ сущности былъ строгимъ судомъ надъ соборомъ 869 года, и подпись легатовъ такъ или иначе должна была выразить эту мысль, а инструкция возникла въ Римѣ, по инициативѣ папы, до собора 79 года: ради чего она стала бы, какъ говорится, предвдвартать событія?

члены собора въ указанный длинный промежутокъ занимались какими либо подготовительными работами для 6 и 7 засѣданія, но этого не было; ибо на 6 и 7 засѣданіяхъ происходило чтеніе вышеназваннаго символа и подтвержденіе его неприкосновенности, а для этого не требовалось никакихъ подготовительныхъ работъ. Что слѣдуетъ изъ приведенныхъ нами объясненій—ясно, какъ день. Да, 6 и 7 засѣданія носили „полуофициальный характеръ“. Къ этому еще прибавимъ и то, что эти засѣданія носятъ черты „случайности“. Нужно полагать, что по заключеніи соборной дѣятельности (5-мъ засѣданіемъ), кому-то въ Визанціи, вѣроятно же всего патріарху Фотію, пришла въ голову мысль, что хорошо было бы придать собору 879 г. авторитетъ и характеръ вселенскаго собора (въ противовѣсъ собору 869 года, въ глазахъ латинской церкви имѣвшаго значеніе вселенскаго); а такъ какъ на вселенскихъ восточныхъ соборахъ всегда провозглашалось какое-либо опредѣленіе, имѣвшее отношеніе къ вѣроученію, то и надумано было, за отсутствіемъ чего либо другого, прочитать и утвердить на новыхъ засѣданіяхъ (6 и 7) уже извѣстный символъ. А такъ какъ указанная мысль пришла Фотію на умъ поздно, то запоздали и приведеніемъ ея въ исполненіе: должно быть 6 и 7 дѣянія произошли, когда члены собора уже разѣхались, а потому-то участниковъ въ этихъ засѣданіяхъ могло быть немного.

Мы исчислили и разобрали, не употребляя при этомъ ни большихъ усилий и ни малѣйшихъ увертокъ, *всѣ* „неосторожныя“, т. е. допущенныя будто бы во вредъ и безчестіе православной науки, „уступки“ иновѣрнымъ ученымъ, за которыя подвергаетъ насъ строгому, но безусловно несправедливому суду Иванцовъ. Какъ назвать поведеніе нашего критика, дозволившаго себѣ инсинуировать по нашему адресу, представляемъ рѣшить это серьезному, дѣйствительно серьезному, читателю. При размысленіи по поводу Иванцовскихъ обвиненій въ разнаго рода мнимыхъ „уступкахъ“, намъ остается, кажется, только сожалѣть, что мы родились, живемъ и писательствуемъ не въ—время, послѣ „старога униата“ Ассемани, Неандера, Гефеле и Гергенрѣтера....

Принимая наше ученое достоинство, тотъ же авторъ и въ той же книгѣ—не вѣсть почему—покушается запачкать и

нашу нравственную физиономію. Опъ приписываетъ намъ „высокомѣрно-небрежное отношеніе къ трудамъ русскихъ писателей о Фотіи“, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы дѣлаемъ „неприличныи отзывъ объ изслѣдованіи почтеннаго (правильнѣе было бы сказать: грошоваго) нѣкоего византиниста“; осуждаетъ насъ и за то, что мы не только не приписываемъ себѣ похвалы, а напротивъ указываемъ прямо и открыто общіе недостатки нашего сочиненія: „Истор. Константинопольскихъ соборовъ“ (рѣчь идетъ у Иванцова объ одной нашей журнальн. статьѣ. См. въ его книгѣ стр. 182—3 примѣч.). Наше поведеніе, обнаруженное въ указанныхъ случаяхъ, опъ кратко характеризуетъ, какъ „неприличіе“. Въ чемъ тутъ неприличіе мы—признаемся—понять не въ состояніи. Если мы подвергали строгой, но безъ сомнѣнія справедливой критикѣ (ошибокъ же въ нашей критикѣ Иванцовъ не могъ указать) нѣкоторыя сочиненія, то значитъ, они заслужили такого строгаго отношенія къ нимъ (при чемъ рѣшеніе вопроса о тонѣ нашихъ отзывовъ—считаемъ дѣломъ личнаго субъективизма Иванцова); а если мы находили нѣкоторые общіе недостатки въ нашемъ собственномъ сочиненіи, то подобная исповѣдь, какъ проявленіе своего рода героизма, должна бы вызвать со стороны нашего критика похвалу, а никакъ не порицаніе. Но не будемъ входить ни въ какія другія объясненія по поводу этого, далекаго отъ науки, инцидента. Допустимъ, что мы учинили неприличіе, а развѣ самъ Иванцовъ не грѣшитъ въ этомъ же отношеніи, и притомъ въ высшей степени. Пусть читатель внимаетъ въ слѣдующія слова Иванцова, заключающія наилучшую аттестацію ученой дѣятельности—не кого другого, а самого же автора аттестаціи. „Мы въ своемъ изслѣдованіи о Фотіи главнымъ образомъ старались по возможности освѣтить путь для дальнѣйшихъ работъ (*но не всякому-то удастся это*). Въ виду множества разнорѣчивыхъ сужденій о Фотіи, мы старались разчлестить почву изслѣдованія и указать по возможности твердые приемы (*какая притязательность!*) для болѣе правильныхъ сужденій. Если хотя половина (!!) высказанныхъ нами мнѣній и предположеній, найдена будетъ заслуживающею вниманія, изложеніе Фотіевой исторіи на будущее время во многомъ должно измѣниться (*весьма неприлично!*) сравнительно съ тѣмъ, какъ она представлялась

(всімъ ученымъ міромъ въ совокупности?) прежде“ (186—187). „Половина“...., по скромность и уваженіе къ наукѣ—должны мы сказать,—требовали бы предоставить рѣшеніе такого деликатнаго вопроса относительно „мнѣній и предположеній“ нашего ученаго компетентному суду другихъ, то есть его современниковъ.... Цѣлая „половина“! Какъ много, какъ много!! Вопросъ о томъ, сколькими „мнѣніями и предположеніями“ Иванцова воспользоваться намъ самимъ въ предлагаемомъ сочиненіи („Ист. раздѣл. церквей“), мы рѣшили такъ: предложеніе нашего изслѣдованія касательно Фотія о припятіи отъ него „половины“, а если понадобится, то и болѣе, высказанныхъ имъ „мнѣній и предположеній“ цѣликомъ отклонить, по неимѣнію побужденій и основаній къ усвоенію хотя бы одного изъ таковыхъ ¹⁾. Пожелаемъ, чтобы другіе русскіе писатели—богословы оказались счастливѣе насъ въ данномъ отношеніи.

О другомъ нашемъ сочиненіи, имѣющемъ близкое отношеніе къ исторіи Фотія: *Римскіе папы* и пр. (см. выше № 7) авторъ дѣлаетъ лишь краткій отзывъ, ограничиваясь вообще глухими ссылками на него. Этотъ отзывъ читается такъ въ книгѣ Иванцова: „въ этомъ изслѣдованіи, послѣ отчетливаго изложенія писемъ папы Николая къ византійскому императору Михаилу до 865 г., на слѣдующія затѣмъ, и также очень важныя, письма 866 года обращается мало вниманія; далѣе, советѣмъ пропускается переписка между к—польскимъ и римскимъ дворами, бывшая при императорѣ Львѣ послѣ вторичнаго изложенія Фотія“ (180). Вотъ все, что сказала авторъ о другой нашей книгѣ. Вступать въ какія-либо объ-

---

¹⁾ Впрочемъ авторъ уже не въ первый разъ обманываетъ наши ожиданія По поводу нашей докторской диссертации: *Вселен. соборы IV и V вѣк.* авторъ написалъ цѣлую книгу (стр 1—238), въ которой разбираетъ, и конечно очень подробно, эту книгу (сочиненіе Иванцова носитъ заглавіе: „Религіозн движенія на Востокѣ въ IV и V вѣк.“ М. 1881) Но что же послѣдовало? При второмъ изданіи нашей диссертации мы ничѣмъ не сочли приличнымъ воспользоваться изъ критическихъ замѣчаній его, за исключеніемъ слѣдующаго единственнаго случая: критикъ нашеть, что нескладно называть Несторія „школьникомъ антиохійскимъ“, а потому въ упомянутомъ 2-мъ изданіи выраженіе: „школьникъ антиохійскій“ мы замѣнили другимъ: „крайній антиохіецъ“ (См. 1-е изд., стр 157 и 2-го изд., стр 158)

ясненія по поводу этихъ замѣчаній Иванцова намъ не представляется настоятельно необходимымъ ¹⁾.

Въ разбираемой книгѣ Иванцова встрѣчаемъ немало замѣтокъ, изъ которыхъ, по намѣренію автора, должна слататься болѣе, или менѣе опредѣленная характеристика нашей писательской фізіономіи. Въ общемъ эта характеристика не больно-то похвальна; но—никто самъ себѣ не судья въ такихъ вещахъ, а потому оцѣнку нашей характеристики, какъ она сдѣлана нашимъ критикомъ, мы предоставляемъ другимъ. Впрочемъ, въ этой характеристикѣ есть черты, которыя я признаю вѣрно подмѣченными ²⁾.

Столь подробно разсматривая и оцѣнивая книгу Иванцова: „Къ изслѣдованіямъ“ и пр., мы имѣли въ виду не только представить ясныій отчетъ о достоинствахъ ея, но и собрать и доставить матеріаль для болѣе цѣлостной характеристики нашего автора, автора, какъ писателя богослова (точнѣе: какъ писателя по церковной исторіи).

¹⁾ Въ своей книгѣ авторъ выражаетъ свое сужденіе еще о двухъ моихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ болѣе близкое или отдаленное отношеніе къ исторіи Фотія.—разумѣемъ: „Очерки внутренней исторіи визант-восточной церкви въ IX—XI вѣк.“ (М. 1878) и: „Церковь римская и византійская въ ихъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ въ IX—XI вѣкахъ“ (М. 1875) О первой книгѣ авторъ пишетъ: „въ этомъ сочиненіи авторъ (я) не имѣлъ въ виду представить что-либо новое и оригинальное, исторія Фотія занимаетъ здѣсь лишь нѣсколько главъ“ (180) Намъ очень пріятно отмѣтить при настоящемъ случаѣ полное наше согласіе съ авторомъ. Къ этому еще пожалуй можно было бы прибавить, что къ тому времени, когда писалъ Иванцовъ свою книгу, наши „Очерки“ значительно устарѣли. И должны сознаться, что намъ будетъ слогить большихъ трудовъ приготовить эти „очерки“ для втораго изданія и поставить ихъ такъ, чтобы книга могла удовлетворять хотя бы и не особенно высокимъ научнымъ требованіямъ. Говоря же о другомъ нашемъ сочиненіи, авторъ ставитъ намъ въ упрекъ то, что при обзорѣ полемическихъ трудовъ Фотія, мы пропустили немало трудовъ этого послѣдняго. (стр. 180), но такой упрекъ есть плодъ какого-то недоразумѣнія, которое надѣемся разъяснить при второмъ изданіи этого сочиненія, когда дойдетъ очередь до того.

²⁾ Разумѣю указаніе его на шутивый тонъ, который не чуждъ—де нашимъ сочиненіямъ (181) Дѣйствительно, эту „особенность“ можно встрѣчать въ нашихъ трудахъ. Откровенно признаемся, что мы не терпимъ напускной торжественности рѣчи и умбющей важничать серьезности тона и что при столкновеніи съ самодовольнымъ невѣжествомъ позволяемъ себѣ бороться съ нимъ острымъ словомъ

Кстати сдѣлаемъ здѣсь краткое упоминаніе еще объ одномъ малоизвѣстномъ сочиненіи прот. А. М. Иванцова, подъ заглавіемъ; „о римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію“. Части I и II. М. 1869—1870 г. Это сочиненіе настолько малоизвѣстно, что и я самъ только на дняхъ впервые увидалъ его. Между тѣмъ, оно какъ это отчасти видно изъ его заглавія, трактуетъ о вопросахъ имѣющихъ соприкосновенность съ темою: о раздѣленіи церквей. Впрочемъ собственно рѣчамъ о Фотіи и Михаилѣ Керуларіи въ этомъ сочиненіи отведено лишь нѣсколько страницъ, содержащихъ самыя элементарныя свѣдѣнія о значеніи этихъ патріарховъ въ греческой и общей церковной исторіи. Все сочиненіе представляетъ собою слабую компиляцію изъ большого круга книгъ, точно обозначенныхъ авторомъ въ предисловіи. По плану автора, кромѣ двухъ частей должна была выйдти въ свѣтъ еще и третья часть тогоже сочиненія; въ предисловіи авторъ замѣчаетъ: „третья часть выйдетъ послѣ“. Но на самомъ дѣлѣ 3-ей части не было напечатано. Почему? Конечно, потому, что сочиненіе встрѣчено было полнымъ равнодушіемъ со стороны публики. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно понять: для какого рода читателей написано это сочиненіе? Для большой публики оно не интересно и даже прямо скучно: а для мало (учебой) публики оно совершенно не нужно. Сочиненіе составлено безъ всякихъ признаковъ ученаго аппарата, на который люди, занимающіеся наукой, обращаютъ перѣдко большіе вниманія, чѣмъ на самый текстъ книги. Впрочемъ сочиненіе не чуждо претензіи открыть какіе-то новые горизонты въ научной сферѣ.

Книгой Иванцова: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“ и заканчивается развитіе русской литературы, посвященной исторіи этого знаменитаго патріарха. Въ 1891 году, когда праздновался 1000-лѣтній юбилей со дня кончины Фотія, появилась особаго рода литература—юбилейная, касавшаяся разныхъ сторонъ дѣятельности этого лица.

Весьма тщательное указаніе этой литературы находимъ у Иванцова (183—186). Названный авторъ придавалъ какое-то особенно - высокое значеніе этой литературѣ, имѣвшей - де упразднить ранѣе того написанное о Фотіи на русскомъ языкѣ (*мудрый да разумѣть!*); юбилейныя труды, по выраженію нашего автора, „полагаютъ начало (*и раньше, значитъ.*

ужь ничего не было такого) серьезной исторической работъ“ по вопросамъ Фотіевой исторіи (183). Но ожиданія Иванцова не сбылись до сихъ поръ. Юбилейные ораторы пропознесли рѣчи, юбилейные писатели статейки и книжки—тѣмъ дѣло и кончилось ¹⁾.

XIII.—Преосвящ. *Іоанна, Епископа* Аксайскаго, викарія Донской епархіи: „Отпаденіе Западной церкви отъ Восточной“. Новочеркасскъ. На вѣдѣнной оберткѣ поставленъ: 1899 г., а на внутренней обложкѣ: 1897 г. „Отдѣльный оттискъ изъ Донскихъ епархіальныхъ Вѣдомост.“. Входить въ разборъ этой книги не станемъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Я, нижеподписавшійся, былъ ученикомъ преосвященнаго Іоанна въ Моск. Духовн. Акад. (1868—1870 г.), въ бытность его профессоромъ Общей церковной исторіи (остающейся любимую наукою до сего дня какъ для него, такъ и для меня), въ названной Академіи, при чемъ я-же былъ непосредственнымъ преемникомъ его въ профессорѣ тамъ же; 2) Преосвящ. Іоаннъ, конечно, посвятилъ этому труду лишь время, остающееся у него отъ многосложныхъ занятій по его должности въ обширнѣйшей изъ нашихъ епархіи. О названной книгѣ, посему, позволимъ себѣ сдѣлать лишь

¹⁾ Дабы насчитать какъ можно больше лицъ, *полагающихъ начало серьезной исторической работъ* о Фотіи, Иванцовъ къ числу такихъ людей относить: 1) Платонова, того самаго Платонова, книга котораго, по заявленію Иванцова, носитъ слѣды „ослабленія старческой памяти“ (184); 2) Преображенскаго (изъ Петербурга), котораго Иванцовъ почему-то и за что-то восхваляетъ (183), по относительно „Исторіи раздѣленія церквей“ котораго нами поставленъ открытый вопросъ: „что это литература или макулатура“? 3) Проф. *Θ. И. Успенскаго*, юбилейная рѣчь котораго возбуждала въ душѣ нашего автора „очень непріятныя чувства“ и много „сомнѣній“ (185—186); 4) Стукова, которому онъ же самъ приказалъ сжечь его писанія о Фотіи—Все это поистинѣ смѣхотворно Намъ кажется, что въ сужденіи о разсматриваемой юбилейной литературѣ гораздо болѣе Иванцова приближается къ правдѣ, *Θ. П. Преображенскій* (изъ Москвы), дилеттантъ въ наукѣ, но человѣкъ, обладающій завидными умственными способностями и научнымъ чутьемъ. Изучивъ очень тщательно эту литературу, онъ пришелъ къ такому заключенію: „Юбилейная литература ни на шагъ не подвинула изученія личности Фотія и его эпохи. Долгъ предъ Фотіемъ, лежащій на русской наукѣ, оказался незаглаженнымъ, и переписанъ на новый срокъ“ (*Дурн. Учен. Общ. Люб. Дух. Просвѣц.*, 1892. Отдѣлъ II, стр. 383). Сказано мѣтко и остроумно

слѣдующія певинныя замѣтки: книга не имѣетъ никакого предисловія, изъ котораго можно было бы видѣть какъ обстоятельства происхожденія книги, такъ и ближайшее ея назначеніе. Относительно обстоятельствъ происхожденія сочиненія, рѣшаемся высказать слѣдующую догадку. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе, что преосвящ. Іоаннъ читалъ публичныя лекціи по церковной исторіи въ Новочеркасскѣ—съ благотворительными цѣлями. Не есть ли эта книга лишь печатное изложеніе (но безъ сомнѣнія въ распространенномъ видѣ) тѣхъ лекцій, которыя читаны были владыкою въ вышеозванномъ городѣ? Догадку эту мы считаемъ очень вѣроятною. Въ книгѣ нѣтъ никакихъ заглавій главъ и отдѣловъ, нѣтъ даже никакого дѣленія книги на части,—рѣчь идетъ безо всякихъ перерывовъ или остановокъ, необходимыхъ для того, чтобы читатель могъ ориентироваться въ прочитанномъ и дать себѣ благовременный отдыхъ. Она напечатана, значить, въ такомъ видѣ, какой на университетскомъ языкѣ обозначается словами: „напечатано на правахъ рукописи“, т. е. безо всякихъ претензій, какъ бы временно. Въ книгѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ ея, не находимъ и оглавленія ея содержанія. Содержаніемъ же ея служатъ церковныя событія, относящіяся къ темѣ, изъ эпохъ Фотія и Керуларія—съ присоединеніемъ разсказа о двухъ т. н. уніяхъ, флорентійской и ліонской. Эта прибавка напоминаетъ, выше нами описанную, книгу греческаго архіерея Іліи Минятія, но это сходство совершенно случайное: авторъ, кажется, Минятіемъ не пользовался. Вообще въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній на источники и пособія автора (за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ). Намъ нѣсколько удивило то, что авторъ въ своей рѣчи является слишкомъ щедрымъ на употребленіе выраженій иностранныхъ, въ родѣ: авантюристъ, пертурбаціи, комбипаціи и проч. Вину раздѣленія церковей авторъ всецѣло возлагаетъ на „великихъ мастеровъ въ мутной водѣ ловить рыбу“, т. е. римскихъ папъ (стр. 209). Рекомендуемъ любознательному читателю приобрести книгу преосв. Іоанна ¹⁾ и срав-

¹⁾ Книгу преосв. Іоанна слѣдуетъ выписывать изъ канцеляріи владыки въ Новочеркасскѣ Цѣна ей 1 рубль безъ пересылки (книга заключаетъ 1—275 страницъ)

нить ее съ моимъ сочиненіемъ: „Исторія раздѣленія церквей“, чтобы онъ самъ могъ дать себѣ ясный отчетъ о достоинствахъ и недостаткахъ двухъ книгъ, написанныхъ на одну и ту же тему.

XIV.—*Кое-что* или о кое-чемъ — Оцѣнивая то, что сдѣлано въ нашей наукѣ для разъясненія исторіи раздѣленія церквей, находимъ, что самую большую услугу въ этомъ случаѣ оказала С.-Петербургская Духовная Академія. Почтенные труды высокопреосвященнаго Герасима (Яреда) и профессора Н. А. Скабаланивича надолго сохранять свое значеніе въ наукѣ. Поэтому мы съ полнымъ правомъ отводимъ названной Академіи первое мѣсто въ ряду прочихъ ея сестеръ, принимая во вниманіе глубокой научный интересъ, возбуждаемый въ читателѣ ея вкладомъ въ литературѣ по исторіи раздѣленія церквей. Славы ея не можетъ помрачить и то обстоятельство, что въ средѣ научныхъ ея труженниковъ, съ душевнымъ сожалѣніемъ, приходится помѣщать и о. В. Преображенскаго, какъ магистра столичной Академіи. Съ особннымъ отличіемъ, хотя и не по праву, мы должны упомянуть здѣсь и о рецензій проф. Ѳ. А. Курганова, написанной на книгу о Иванцова, представленную въ учебный Комитетъ при Св. Синодѣ на Макаріевскую премію, — „не по праву“ потому, что сочиненія, относящагося къ исторіи раздѣленія церквей, онъ не писалъ, а составилъ лишь оффиціальныи отзывъ о книгѣ, посвященной разработкѣ вопросовъ о Фотіи, да и притомъ же мы не подвергали разбору его работы, не имѣя на то основаній. Если же все-таки мы рѣшаемся воздать похвалу рецензенту, то въ этомъ случаѣ мы подчиняемся правилу: „отъ избытка сердца уста глаголютъ“. Съ нашей, едва ли пристрастной, точки зрѣнія „отзывъ“ г. Курганова заслуживалъ бы Макаріевской преміи въ большей мѣрѣ, чѣмъ книга: „къ изслѣдованіямъ“ Ужъ если кто прибавилъ многое къ существующимъ „изслѣдованіямъ“ о Фотіи, такъ сдѣлать это г. Кургановъ: важно уже то, что онъ процудилъ сквозь критическій фильтръ научную струю, засоренную, заключающую въ себѣ разные отбросы, нѣкоторую грязь. Развѣ это не заслуга? ¹⁾

¹⁾ Да не подумаетъ читатель, что мы воздаемъ хвалу г. Курганову потому главнымъ образомъ, что его „Отзывъ“ такъ пригодился намъ при

И какъ жаль, что нѣтъ такого правила, чтобы умная и обильная научными выводами рецензія удостоивалась бы преміи (при единогласномъ одобреніи, путемъ открытой баллотировки членовъ учебнаго Комитета при Синодѣ), наравнѣ ли съ тѣмъ сочиненіемъ, по поводу котораго изготавленъ „отзывъ“, или взамѣнъ преміи, присуждаемой иногда слишкомъ снисходительно неблестящему сочиненію, или же совершенно независимо отъ того: будетъ или не будетъ дана премія книгѣ, вызвавшей блестящій по своимъ качествамъ отзывъ—это будетъ все равно. И почему бы не сдѣлать пересмотра преміальныхъ правилъ (имени митр. Макарія) въ указанномъ нами смыслѣ? Тогда ни одинъ Кургановъ въ качествѣ рецензента получилъ бы заслуженную премію, но и другіе, конечно немногіе, составители „отзывовъ“ (разумѣемъ главнымъ образомъ проф. В. В. Болотова) при подобномъ же случаѣ. Да и наука была бы отъ этой переменны въ большомъ выигрышѣ. Вѣдь, наша богословская наука находится еще въ такомъ состояніи, что развитіе ея нужно всячески поощрять.

Подвергнувъ разсмотрѣнію и указавъ очень высокое мѣ-

— — — — —

составленіи одного отдѣла этого „Указателя“; нѣтъ, еще въ 1895 году (въ годъ появленія „отзыва“ г. Курганова въ печати), во вступительной лекціи по исторіи Церкви, прочитанной нами 11 октября, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, въ московскомъ университетѣ, мы говорили: Кургановъ—это „человѣкъ, очень мощный въ области критики“ (Богъ Вѣсти, 1895, т. IV, 316) Слова эти,—добавимъ—сказаны были нами подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что напечатаннаго тогда „отзыва“ его о рецензированной имъ книгѣ Откровенно говоря, этотъ „отзывъ“ г. Курганова мы ставимъ выше всѣхъ остальныхъ его работъ: здѣсь талантъ его, заботливо воспитанный и обогащенный глубокими позначіями—проявляется въ настоящемъ свемъ блескѣ—Кстати сказать: мы глубоко сожалѣемъ, что учебный Комитетъ прекратилъ печатаніе „отзывовъ“ о преміальныхъ сочиненіяхъ. Это великая потеря для науки. Полагаемъ, что „Христъ Чит“, гдѣ печатались они въ послѣднее время, замѣтно погнавшись въ своихъ изданіяхъ за распространенностію съ ея благими послѣдствіями,—отказалось отъ печатанія этого „скучнаго матеріала“ (вѣроятно, вслѣдствіе этого-же соображенія *Христъ Чит* бросило печатаніе *протоколовъ* Петербургской Академіи, о чемъ истинно сожалѣютъ всѣ почитатели этой академіи, съ которой они посредствомъ протоколовъ входили въ тѣсное духовное общеніе. Какой поучительный примѣръ представляютъ нѣмецкіе богословскіе журналы, не уступающіе нашимъ голшны!)

сто въ паугѣ (по изучаемому нами вопросу) важнѣйшимъ сочиненіемъ, вышедшимъ изъ петербургской Академіи и поставивъ на видъ крупную въ томъ же отношеніи заслугу профессора казанской Академіи г. Курганова (при чемъ считаемъ нужнымъ помянуть добрымъ словомъ и казанца же, покойнаго Добротворскаго), мы должны отвести самое послѣднее мѣсто кievской духовной Академіи, послѣднее, потому что въ данномъ отношеніи она не можетъ претендовать въ сущности ни на какое мѣсто. „Анонимъ“, повидому, есть питомецъ этой Академіи, по во первыхъ это лишь наше предположеніе, а во вторыхъ, какъ извѣстно, одна ласточка весны не дѣлаетъ. Между тѣмъ, если гдѣ, то въ особенности въ Кіевѣ вопросы, соединенные съ изученіемъ исторіи раздѣленія церкви, суть вопросы насущные для того края, прославленнаго борьбой съ католицизмомъ. И нельзя сказать, чтобы эта Академія оставалась равнодушна къ этой научной потребности, но ей положительно не случилось.

Совѣтъ кievской духовной академіи въ 1887 году объявлялъ конкурсъ на макаріевскую премію въ 1000 рублей, избравъ тему: „Фотій, патр. константинопольскій“. Въ виду тысячелѣтія со времени кончины Фотія—говорилось въ извѣщеніи объ этомъ конкурсѣ—представляется полезнымъ составить подробную біографію Фотія съ изображеніемъ его дѣятельности и всѣхъ отношеній и заслугъ съ православно-научной точки зрѣнія и въ интересахъ защиты этого великаго дѣятеля православной церкви отъ, частію несправедливыхъ и частію преувеличенныхъ, обвиненій со стороны католическихъ ученыхъ и преимущественно Гергенретера. Обратитъ особенное вниманіе на представленія Фотія объ отношеніи церкви къ государству и на вытекающія изъ этихъ представленій внутреннія (къ Игнатію и его партіи) и внѣшнія (къ Риму) церковно-политическія отношенія. Изслѣдованіе Гергенретера объ ученыхъ трудахъ и заслугахъ Фотія провѣрить самостоятельнымъ изученіемъ твореній Фотія и важнѣйшія изъ историко-полемиическихъ сочиненій и бесѣдъ (его) издать въ русскомъ переводѣ“. Назначенъ былъ срокъ конкурса.

Наконецъ срокъ прошолъ. Печатнаго сочиненія на указанную тему не появилось; были ли представлены на эту тему въ совѣтъ к. д. академіи сочиненія рукописныя—не знаемъ.

Въ виду такого печальнаго результата, мы въ 1891 году сдѣлали заявленіе слѣдующаго содержанія (*Правосл. Обзор.*, т. I, 89): „Увѣрены, что никто изъ русскихъ ученыхъ богослововъ не взялся за написаніе сочиненія въ размѣрахъ вышеизложенной темы. Ибо, по нашему сужденію, совѣтъ к. д. академика, говоря по просту, захотѣлъ однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ, а этого должно думать не бываетъ. По сей причинѣ конкурсная тема о Фотіи должна была остаться глаголомъ вопіющаго въ пустынѣ. Развѣ можно въ короткій срокъ, какой назначенъ былъ академіей, выполнить такую массу работы, какую наваливается она на плеча одного человѣка? Въ одной темѣ о Фотіи, какъ она формулирована академіей, заключается не меньше четырехъ отдѣльныхъ темъ, весьма сложныхъ и серьезныхъ. Имѣла ли академія основанія полагать, что какой-нибудь ученый, цѣня трудъ и время, ради 1000 руб., рѣшился бы взять на себя весьма тяжелую, каторжную работу? Благоразумно поступила бы кievская академія, еслибы свою обширнѣйшую тему раздѣлила на нѣсколько отдѣльныхъ темъ и въ такомъ видѣ предложила бы ихъ для новаго конкурса. Авось русская земля не клиномъ сошлась: очень вѣроятно, кто нибудь и не сталъ бы писать“...

По своему обычаю не оставлять безъ критики ни одного нашего мнѣнія касательно Фотія, когда и гдѣ бы это мнѣніе ни высказано было нами, проф. Иванцовъ приведенное наше заявленіе встрѣтилъ возраженіями и упреками. Онъ говорилъ: рекомендованный г. Леб—вымъ „методъ разработки предмета въ розницу едва ли можетъ дать желаемое вѣрное и живое представленіе о Фотіи“; затѣмъ, принимая въ расчетъ то, что мы сами разсматривали вопросы, касающіеся Фотія, не въ одномъ какомъ либо сочиненіи, а въ разныхъ, составленныхъ въ разное время, проф. Иванцовъ говорилъ въ укоризну намъ: „г. Лебедевъ самъ долженъ былъ испытывать неудобства принятаго имъ метода изслѣдованія Фотіевой исторіи въ разбивку“ и проч. („Къ изслѣдован.“, 179) Но не взирая на подобную критику нашего заявленія, мы всетаки думаемъ: если никто у насъ не въ состояніи потягаться съ Гергенрѣстеромъ, написавшимъ великолѣпное римско-католическаго духа сочиненіе о Фотіи; то будемъ изучать предметъ хоть по частямъ. Во всякомъ

случаѣ мы очень желали бы, чтобы кievская дух. Академія, сокративъ ея прежнюю конкурсную тему, еще разъ предложила ее на соисканіе преміи. Почему знать,—можетъ быть, въ настоящее время Академія будетъ счастливѣе: приглашеніе поработать надъ исторіею Фотія не останется,—будемъ надѣяться,—тщетнымъ попрежнему.

Нужно однакоже поспѣшить кievской Академіи этимъ дѣломъ, пока ея не покинулъ авторъ этюда: *о значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства*, этюда, предложеннаго авторомъ публикѣ, въ качествѣ актовой рѣчи (См. Труд. Кiev. Акад. 1880, ноябрь). Подъ руководствомъ означеннаго ученаго тема о Фотіи могла бы быть превосходно обработана, буде взялъ бы ее кто либо изъ бывшихъ питомцевъ названной Академіи: объ этомъ мы съ увѣренностію говоримъ на основаніи содержанія „Рѣчи“. Въ существѣ дѣла рѣчь эта представляетъ что-то въ родѣ введенія къ исторіи раздѣленія церковей (въ IX в.) и богата новыми, почти неслыханными у насъ идеями. Въ самомъ дѣлѣ развѣ не вполне нова, хотя бы слѣдующая мысль кievскаго ученаго: „со времени халкидонскаго собора церковь греческая все болѣе становится въ своихъ стремленіяхъ узко-національною, все яснѣе отождествляетъ идею вселенской церкви съ идеею ромейской византійской націи, обзывая еретическимъ все не ромейское“ (427). Попробуйте приложить этотъ принципъ къ исторіи Фотія и посмотрите, что тогда выйдетъ? Впрочемъ и не заглядывая въ неизвѣстное будущее, должны совершенно безпристрастно касательно разсматриваемой „Рѣчи“ замѣтить слѣдующее: вотъ подлинно „малъ золотникъ, но дорогъ!“

А. Лебедевъ.